

СКОТТ КАРНИ

18+

КРАСНЫЙ РЫНОК

как устроена
торговля всем,
из чего состоит
человек

КРУГОЗОР

ДЕНИСА
ПЕСКОВА ▶

Кругозор Дениса Пескова

Скотт Карни

**Красный рынок. Как
устроена торговля всем,
из чего состоит человек**

«ЭКСМО»

2011

УДК 616
ББК 52.5

Карни С.

Красный рынок. Как устроена торговля всем, из чего состоит человек / С. Карни — «Эксмо», 2011 — (Кругозор Дениса Пескова)

ISBN 978-5-04-141617-1

На красном рынке можно купить что угодно — от волос для наращивания до почек для пересадки. Но вот законы этого рынка, как и законы всякого теневого бизнеса, совсем неочевидны. Рынок человеческих тел существует в параллельной реальности — он далек и одновременно очень близок. В этой книге журналист Скотт Карни, работавший для BBC и National Geographic TV, рассказывает о том, как устроен этот параллельный мир. Написанный Карни триллер разворачивается в Индии, где предметом сделки может стать что угодно — от склянки с кровью до целого скелета. Впрочем, Индией его путешествие не ограничится: желающие купить вашу почку гораздо ближе, чем кажется на первый взгляд. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 616
ББК 52.5

ISBN 978-5-04-141617-1

© Карни С., 2011
© Эксмо, 2011

Содержание

Предисловие	6
Введение	8
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Скотт Карни

Красный рынок: как устроена торговля всем, из чего состоит человек

*Посвящается
моим родителям: Линде Хаас Карни и Уилфреду Игнатиусу Карни-младшему*

Если кровь как часть организма живого человека все чаще продают и покупают как коммерческий товар, а результатом этих сделок становится чей-то доход, отсюда следует, что законы коммерции в конце концов должны возобладать в этой сфере.

Ричард Титмусс, THE GIFT RELATIONSHIP («Отношения дарения»)

В других районах Индии люди с надеждой говорят о том, что собираются в Малайзию или США. В Сунами-Нагар так говорят о продаже почки.

Мария Сельвам, активист, Индия

The Red Market
On the Trail of the World's Organ Brokers,
Bone Thieves, Blood Farmers,
and Child Traffickers
Scott Carney
THE RED MARKET. Copyright © 2011 by Scott Carney.
WILLIAM MORROW
An Imprint of HarperCollinsPublishers

© Коробейников А.Г., перевод, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Предисловие Тупик

Субинспектор в последний раз затягивается тлеющей сигаретой и щелчком выбрасывает ее в окно. Бычок приземляется в другой стране. Бетонное здание полицейского участка, которым руководит он, расположено так близко к границе, что, наверное, даже просто перейдя в другой угол комнаты, он мог бы оказаться в юрисдикции соседней страны. Офицер отвечает за борьбу с контрабандой на границе между крупнейшей на свете демократией и последней в мире абсолютной монархией, но в основном читает газеты и раздумывает над тем, насколько далеко от него Дели. Он пытается нащупать в кармане рубашки новую сигарету, но пачка пуста. Помрачнев, он смотрит на меня через стол и обдумывает мою просьбу.

– Итак, вы хотите видеть скелеты.

Я не понимаю, вопрос это или утверждение. Я ерзаю на деревянной табуретке, подталкивая ее вперед, и она скрипит. Киваю.

Вот уже две недели я прочесываю штат Западная Бенгалия, выполняя задание по расследованию сообщений о так называемых фабриках костей. По всей индийской глубинке разоряют вековые кладбища, продавая скелеты как анатомические пособия. До недавнего времени торговля шла так активно, что почти каждый скелет в американской школе, вероятно, происходил из Индии. В 1985 году индийское правительство запретило экспорт человеческих материалов, что заставило многих торговцев костями выйти из бизнеса. Впрочем, другие остались, но ушли в подполье – и процветали, как и все на красном рынке.

Я приехал на индийско-бутанскую границу, чтобы выявить цепочку поставок одного особенно мерзкого прозектора, который, по слухам, сохранил связи с западными компаниями. Однако при всей прибыльности бизнеса сами места обработки костей не представляют собой ничего интересного. Загадочные фабрики костей – это всего лишь маленькие покрытые брезентом бараки на речном берегу. Здесь трупы, поступающие бесконечными потоками, рассекаются на части. Торговцы костями нанимают расхитителей могил и прозекторов-самоучек, чтобы те сняли с костей плоть, отполировали их до меловой белизны и упаковали для отправки покупателю. Ужасный бизнес не пользуется популярностью у местных жителей и полицейских, так что торговцы работают тайно. Чтобы найти ниточку, мне потребовалось целых три недели.

Я напал на след, когда в газете была опубликована заметка о том, как полицейский патруль в ходе особо удачного рейда обнаружил тайник из черепов и костей. Ниточка привела меня к пограничному пункту в Джайгаоне, который хотя и пропускает тысячи людей в день, гостеприимством не славится.

– Итак, вы хотите видеть черепа. – Офицер ухмыляется. – Это не проблема.

Он поднимается из-за стола и жестом приглашает меня следовать за ним к открытому окну; за стеклом в грязных пятнах видна индийская сторона границы. Он указывает на соседнее приземистое бетонное здание.

– Они располагаются вот здесь. Три комнаты, набитые костями.

Торговцам не приходилось иметь дела с пограничниками: они могли просто перебрасывать мешки с контрабандой через стену в соседнее государство. Однако устраиваться рядом с полицейским участком все же не стоило.

– Честно говоря, особых проблем у них не будет. Мы боялись, что среди трупов могут быть жертвы убийства. Кажется, в этой стране нет закона против расхищения могил. Вряд ли их посадят.

Даже предъявить обвинение в краже будет затруднительно, поскольку все владельцы костей, разумеется, мертвы.

После ареста полицейские составили опись костей как вещественных доказательств на тот маловероятный случай, если преступники все же предстанут перед судом. Младший полицейский ведет меня в грязную тюремную камеру, которая заодно служит комнатой для допросов и хранилищем вещественных доказательств. Он достает шесть старых нейлоновых мешков из-под цемента и роняет один на пол – раздается стук сухих костей. Он с трудом справляется с узлом на мешке и открывает его.

Первый мешок полон костей ног. Они пахнут землей. Налипшая на них грязь подсказывает, что кости пролежали в ней много лет. На нескольких берцовых костях уже отрезаны шишковатые кончики – для будущих мундштуков флейт. Рабочий дергает за коричневую конопляную нитку, которой завязан второй мешок, и я вижу, что тот полон черепов. Каждый череп распилен на куски – так, чтобы область под теменем можно было удалить и выбросить; от черепных коробок остается около сотни костяных мисок.

Я хмурюсь от такого зрелища. Это не те черепа, которые я ищу. Они слишком старые и слишком обработанные. Хороший анатомический скелет нужно подготовить быстро, а кости следует систематически чистить для сохранения товарного вида. Раз они так долго пролежали в земле, то нет никаких шансов, что они как-то помогут в учебе начинающим врачам. Кроме того, какой врач откажется посмотреть на оставшиеся части скелета? Похоже, я обнаружил не тех торговцев костями. Те, что украли эти скелеты, действовали с другими целями. Их рынком были не врачи, а монахи.

Некоторые секты бутанского буддизма учат, что единственный способ осознать понятие смертности – проводить много времени, изучая мертвые тела. Поэтому почти каждой семье, почти каждому убежденному буддисту требуются тщательно подготовленные ритуальные инструменты, сделанные из человеческих костей. Обычно это флейты из берцовых костей и молитвенные чаши из черепных коробок – потому-то в наших мешках их полно.

Мне не привыкать к тупикам, но я все еще удивлен. Я не ожидал, что есть столько способов продажи краденого скелета. Я делаю несколько фотографий и благодарю полицию за то, что уделили мне время. Полтора дня я потратил напрасно. Мой водитель заводит мотор и отъезжает от полицейского участка, оставляя за собой облако бурой пыли. Впереди очередная бесконечная поездка по ухабистым дорогам и угрозы столкновений со встречными машинами. С легкомыслием, которое приходит при осознании неизбежности смерти, я раздумываю о том, насколько маловероятна встреча двух шаек похитителей костей, конкурирующих друг с другом в индийской сельской глуши. Существуют ли рынки частей тел лишь на обочине международной торговли? Сколько может быть способов продать человеческое тело? Если в этом отдаленном уголке планеты люди борются друг с другом за трупы и возможность их экспортировать, то, видимо, от такого бизнеса кто-то получает доходы и в других странах. Возможно, все части человеческого тела – от костей, сухожилий, роговиц, сердец, крови до целых организмов – ежедневно переходят из рук в руки.

Я пока не знаю – но это лишь начало моего исследования мировых красных рынков. В Индии, Европе, Африке и США я буду находить отрасли, легальные и нелегальные, специализирующиеся на покупке и продаже человеческих органов. Рынок тел гораздо больше, чем я когда-либо мог себе представить.

Введение

Человек и его плоть

Я вешу около девяноста килограммов, у меня каштановые волосы, голубые глаза и целы все зубы. Насколько мне известно, моя щитовидная железа впрыскивает нужные гормоны в семь литров крови, которые циркулируют по моим артериям и венам. Мой рост – 188 сантиметров, у меня длинные бедренные и большеберцовые кости с плотной соединительной тканью. Обе почки работают хорошо, а сердце бьется в устойчивом ритме – 87 ударов в минуту. Учитывая все эти обстоятельства, я оцениваю себя примерно в 250 тысяч долларов.

Моя кровь прекрасно разделяется на плазму, красные кровяные тельца, тромбоциты и фактор коагуляции, и способна спасти жизнь человека на операционном столе или остановить неконтролируемое кровотечение у больного гемофилией. Сухожилия, которые соединяют мои кости, можно отскрести и вживить, например, в травмированное колено спортсмена-олимпийца. Из волос с моей головы можно сделать парик или разложить их на аминокислоты и продать как разрыхлитель для теста. Мой скелет послужит прекрасным экспонатом для любого школьного кабинета биологии. Мои важнейшие внутренние органы – сердце, печень и почки – могут продлить жизнь тех, чьи органы отказали, а роговицы можно пересадить слепым. Даже после моей смерти патологоанатом при должной сноровке может собрать мою сперму, чтобы помочь какой-нибудь женщине зачать, и родившийся ребенок, возможно, тоже будет иметь цену.

Поскольку я американец, моя плоть будет стоить дорого; если бы я родился в Китае, то обошелся бы в разы дешевле. Врачи и посредники из любой страны, перемещая куски моего тела по международным рынкам, получают за свои услуги кругленькую сумму – куда больше, чем смог бы заработать я сам как продавец. Судя по всему, всемирные правила спроса и предложения на рынке торговли органами действуют так же неукоснительно, как и на рынках электроники или обуви.

Равно как механик может заменить изношенные части автомобиля запасными и смазать расшатавшиеся сочленения, чтобы мотор вновь завелся, так и хирург может продлить жизнь человека, заменив отказавшие органы новыми. Каждый год технологические барьеры все ниже, а необходимые процедуры все дешевле. Однако готового склада качественных подержанных человеческих органов не существует. Искусственные сердца, почки и кровь, попытки создать которые не прекращаются, пока не выдерживают сравнения с настоящими. Человеческий организм попросту слишком сложен. В наше время его нельзя воссоздать на заводе или в лаборатории. А следовательно, единственный способ удовлетворить спрос на человеческие органы – найти источник материалов среди живых или только что умерших людей.

Нам требуются огромные объемы человеческого материала для поставки в медицинские школы для вскрытий, чтобы будущие врачи хорошо представляли себе анатомию человека. Агентства по усыновлению отправляют в первый мир из третьего тысячи детей с целью залатать бреши в ячейках американского общества. Фармацевтическим компаниям требуются живые люди, чтобы тестировать на них суперлекарства следующего поколения, а косметическая индустрия ежегодно обрабатывает миллионы килограммов человеческих волос, чтобы удовлетворить непрекращающийся спрос на новые прически. Забудьте о каннибалах в юбках из травы с тропических островов – наш спрос на человеческую плоть сегодня выше, чем когда-либо в истории.

Когда мы решаем, что человеческое тело может быть предметом открытой купли-продажи, происходит нечто странное. Большинство из нас инстинктивно понимают, что людей делает особенным не просто факт их физического существования – от электронов и кварков,

придающих нам массу, до сложных биологических структур, которые обеспечивают каждый наш вздох, – но и сознание своего присутствия в мире, которое есть только у живущих. Ради целей этой книги и для придания смысла всему, что я пишу, я наделяю человеческий организм душой¹. Утрата души превращает тело в кучку материи.

Хотя нам хотелось бы думать, что наши тела священны и на них не распространяется мелочная логика рынка, торговля человеческими органами сейчас переживает расцвет. Оборот в этой сфере составляет несколько миллиардов долларов в год. Поскольку людей в мире примерно шесть миллиардов, недостатка в поставках нет². На мировом рынке есть, например, чуть менее шести миллиардов свободных почек (или двенадцати миллиардов, если быть абсолютно безжалостными) и почти 60 миллиардов литров крови. Роговиц столько, что можно заполнить ими стадион. Единственное, что препятствует огромным доходам этого бизнеса, – права на добычу ресурсов.

Возьмем, к примеру, рынок усыновления. Когда семья решает, что хотела бы взять бедного ребенка из страны третьего мира, они имеют о нем лишь смутные представления. В поисках идеала они корректируют свои ожидания в соответствии с доступными вариантами. Они просматривают онлайн-каталоги, выпускаемые международными агентствами по усыновлению, читают газетные статьи об отчаявшихся детях из приютов и принимают трудные решения, определяя, какими характеристиками должен обладать их будущий ребенок.

Конечно, в какой-то момент он станет членом семьи, но до того нужно будет иметь дело с порой сомнительной цепочкой посредников и коррумпированных правительственных чиновников, многие из которых видят в детях всего лишь тела для продажи. Только когда ребенка в конце концов привозят в дом, он превращается из абстракции во что-то совершенно реальное.

Каким бы ни было наше мнение по этому поводу, тела уже давно превратились в товар. Однако товар этот неудобный. Он не производится на заводах в стерильных условиях рабочими в униформе; его уместнее уподобить подержанным машинам с авторынков. Прежде чем выписать чек и забрать необходимую человеческую плоть, кто-то должен превратить ее из живого существа в товар с рыночной стоимостью. При этом, в отличие от остальных подержанных товаров, цена человеческого тела измеряется не только в долларах. Она определяется еще и кровью, и трудно описываемой ценностью жизней – спасенных и потерянных. Когда мы покупаем человеческий орган, то берем на себя обязательства, связанные с его происхождением: как этические, так и следующие из биологической и генетической истории предыдущего владельца. Это сделка, которая фактически не завершается никогда.

Право и экономика различают три типа рынков: белый, серый и черный. На черных рынках торгуют нелегальными товарами и услугами – например, оружием и наркотиками. Пиратские DVD и уклонение от уплаты налогов относятся к серой зоне. Белый рынок – территория всего легального и открытого: от ресторанчиков и магазинчиков на углу до прилежно выплачиваемых ежегодных налогов. Эти рынки имеют две общие особенности: продаваемые на них товары имеют реальную рыночную ценность, которую легко свести к долларам и центам; сделка совершается в тот момент, когда выплачиваются деньги. Рынок же человеческой плоти отличается от всех, поскольку покупатели ставят на кон свои жизни и семейные отношения.

Итак, добро пожаловать на красный рынок.

¹ Имеется длинная и запутанная философская и богословская традиция по вопросу наличия или отсутствия души, но я считаю себя недостаточно квалифицированным, чтобы вдаваться в подобные споры. Идея души полезна для указания на различия между особым статусом живых людей и обычной физической материей, из которой мы состоим. Между живыми и мертвыми существует очевидная разница, и она – в чем бы она ни состояла – и есть тот камень, на котором я построил книгу свою.

² Данные на момент издания книги в 2011 г. В 2020 г. численность составляет около 7,8 млрд чел. – Прим. ред.

Красные рынки – продукт противоречий, которые возникают, когда социальные табу, окружающие человеческое тело, вступают в конфликт с желанием человека жить долго и счастливо. Если рынки обычных товаров можно описать алгебраически, то красные рынки требуют математического анализа. В каждом уравнении содержатся одновременно ноль и бесконечность. Красные рынки существуют на краю важных событий, изменяющих жизнь поставщика или покупателя. Покупка плоти ведет к пожизненному долгу покупателя перед тем, кому эта плоть принадлежала ранее, даже если он того и не сознает. Благодаря этой связи и тому, что мы обычно отказываемся от языка коммерции, когда имеем дело с телами, на всех красных рынках сделки ведутся на забавном языке альтруизма. У почек, крови и спермы нет продавцов – есть «доноры». Приемные родители усыновляют бедных детей, а не создают прибавочную стоимость для собственной семьи.

И тем не менее, несмотря на все эти глубокие связи, цены в твердой валюте на человеческие тела и органы хорошо известны, а предложение, во многом благодаря огромному населению бедных стран, практически безгранично.

В Египте, Индии, Пакистане, на Филиппинах целые деревни продают органы, сдают в аренду материнские утробы и отписывают права на собственные тела после смерти, притом не только под принуждением, но и в рамках взаимовыгодной сделки. Посредники, занимающиеся торговлей органами (часто это больницы и правительственные организации, но иногда и на редкость беспринципные преступники), стараются купить их как можно дешевле и одновременно убедить покупателей, что органы получены этичным путем. Хотя процесс добычи органов порой внушает ужас и отвращение, конечная сделка часто совершенно легальна и обычно санкционирована стремлением спасти человеческие жизни. Преступления окутаны флером альтруистических идеалов.

В отличие от всех остальных сделок, с которыми мы сталкиваемся в нашей жизни, при покупке на красном рынке мы оказываемся в долгу перед всеми промежуточными звеньями, от источника органов до конечного результата. Пожалуй, нет другой такой сделки, при которой в голове звенел бы этический тревожный звоночек, как покупка органов других людей. Вопрос о том, что следует считать «этическим источником», должен быть серьезно рассмотрен каждым выгодоприобретателем на красном рынке.

Если нам нужно тело для жизни, то как можно расхотать какие-либо органы? Если речь идет о пересадке живого органа, то как больной человек может получить органы здорового? Какими критериями следует руководствоваться, перевозя ребенка из третьего мира в первый? Красные рынки неизбежно имеют довольно неприятный побочный социальный эффект: при сделке плоть всегда движется вверх по социальной лестнице и никогда вниз. Даже без какого-то криминала неупорядоченные свободные рынки подобны вампирам: они высасывают здоровье и силу из гетто с бедными донорами и отдают их органы богачам.

Сторонники красных рынков часто указывают на то, что люди, добровольно продающие свои органы, выигрывают при сделке. Полученные деньги, как предполагается, позволяют им оттолкнуться от глубин бедности и обрести более высокий общественный статус.

В конце концов, разве не нам принадлежит решающее слово в вопросе о том, что делать со своими телами? Логика здесь, вероятно, в том, что собственная плоть – это самая последняя страховка, которая поможет человеку выбраться из отчаянной ситуации. Реальность, однако, такова, что люди, продающие органы и тела, редко могут изменить жизнь к лучшему. Социологи давно знают, что это лишь мечты³. Долгосрочных выгод от продажи собственных органов не существует, а риски есть.

³ Существует множество научной литературы о социальных последствиях продажи почек. Хотя среди авторов преобладают активные сторонники рынка продажи органов, большинство статей написано экономистами и хирургами-трансплантологами. Яркий пример – статья Лоуренса Козна “Where It Hurts” («Где болит»), появившаяся в 1999 году в журнале “Daedalus”. Или же можно почитать весьма откровенно названную статью “Economic and Health Consequences of Selling a Kidney in India” («Эко-

Есть лишь одна ситуация, при которой социальный статус человека может вырасти с той же скоростью, что и цена органа на рынке. И это случай, когда тело продается оптом – на международном рынке усыновления.

Для миллионов сирот во всем мире усыновление по крайней мере внешне решает важную социальную проблему. Дети в любом случае уходят с неустойчивых позиций в низах общества и оказываются в финансово стабильных домохозяйствах, где о них будут заботиться. Однако рынок усыновлений, как и всякий другой, регулируется спросом. На Западе, на который приходится большая часть международных усыновлений, предпочитают детей с более светлой кожей, что приводит к расовым предубеждениям в сиротских приютах. В Америке детские дома наглядно демонстрируют общую расовую политику. Белых сирот усыновляют почти моментально, а чернокожие часто живут в приютах до взросления.

Еще хуже дела обстоят в странах, где основным критерием служит не национальность ребенка, а его здоровье. В Индии, Китае, Замбии, Гватемале, Румынии, Корее, на Самоа плохо организованные детские дома, как доказано, препятствуют нормальному развитию детей. Как бы ужасно это ни звучало, в этих странах (да и почти по всему третьему миру) бизнес-модель для усыновлений очень напоминает рынок бананов. Если ребенок или фрукт слишком долго остается в приюте (на складе), на рынке за него едва ли что-то дадут. Только дети, едва попавшие в детдом, имеют возможность найти семью, и приюты часто гребут деньги лопатой за каждое международное усыновление. Хотя дети действительно благодаря этому поднимаются вверх по социальной лестнице, дисбаланс между длительностью содержания и стоимостью продажи ребенка приводит к тому, что агентствам нужна либо очень высокая текучка, либо какой-то новый способ быстро получать детей для усыновления. У этой проблемы есть решения как легальные, так и незаконные.

До 1970-х годов в мире проводились эксперименты по открытой торговле органами. Битвы на тему того, должна ли продажа плоти быть легальной, разгорались прежде всего вокруг крови. В 1901 году венский ученый Карл Ландштейнер открыл существование четырех разных групп крови, чем положил начало эре безопасного переливания. До того переливание крови напоминало русскую рулетку. Вы могли выжить или умереть в муках прямо на операционном столе, пока озадаченные хирурги только чесали бы в затылке, наблюдая за коагуляцией несовместимых групп крови. Открытие Ландштейнера пришлось очень кстати: вскоре началась Первая мировая война, и сотни тысяч прямых переливаний от человека к человеку помогли выжить множеству солдат. К началу Второй мировой войны в банках крови уже накопилось достаточно материала, чтобы она стала настоящим оружием, позволяющим раненым солдатам возвращаться в строй. На взлетевший спрос клиники по сбору крови отреагировали тем, что стали предлагать деньги любому, кто готов сдать пинту⁴ крови. Непосредственным преимуществом увеличения количества доступной крови стало то, что врачи теперь могли проводить больше полостных операций: потеря крови перестала быть препятствием. Это привело к многочисленным достижениям в медицине.

Но при этом центры сбора крови стали частью большого бизнеса. К 1956 году американские клиники оплачивали более пяти миллионов пинт сданной крови в год. Через десять лет резервы дошли до шести миллионов. Пункты сбора крови появились в трущобных кварталах всех крупных городов. Они стали такой же неотъемлемой их частью, как сейчас пункты обналичивания чеков и ломбарды. В Индии профсоюзы вели переговоры с правительством о стои-

номические и медицинские последствия продажи почки в Индии») за авторством Мадхава Гойяла и др. в номере JAMA за октябрь 2002 года. См. также библиографию к этой книге.

⁴ Пинта – единица объема в английской системе мер. 1 английская пинта = 0,56 л. – Прим. ред.

мости сдаваемой крови, и вскоре во всех крупных городах Индийского субконтинента появились профессиональные доноры.

Кровавый бизнес спасал жизни, и мало кто задумывался об этической проблеме цепочки поставщиков. Лишь в 1970 году британский социальный антрополог Ричард Титмусс выразил обеспокоенность тем, что подобный рынок создает неравный доступ к медицинской помощи. На Титмусса повлиял этический подход к вопросу, принятый в его стране. Во время Второй мировой в Англии придумали дни донора, и миллионы людей сдавали кровь в помощь солдатам, не ожидая оплаты. Даже после войны в больницах почти никогда не платили за кровь; британцы считали сдачу крови своей патриотической обязанностью. В книге *The Gift Relationship* («Отношения дарения») Титмусс сравнивал коммерческую систему в США с альтруистической в Англии и делал два основных вывода.

Во-первых, он доказывал, что при покупке крови учащались случаи гепатита, а больницы и банки крови вынуждены были идти на самые жесткие меры, чтобы увеличить приток крови. Купленная кровь была опасной. От нее веяло эксплуатацией. Коммерческий сбор крови заставил государство искать самые дешевые источники из возможных. За кровью стали обращаться к заключенным – эту ситуацию Титмусс уподобил современной версии рабства. Подобная же эксплуатация, по его словам, могла возникнуть и на любом другом рынке, связанном с торговлей человеческими органами.

Во-вторых, Титмусс утверждал, что единственный способ решения проблемы – создание системы, основанной исключительно на альтруизме. Он считал, что донорство крови способно на большее, чем спасение жизней и обеспечение больниц доходами. Он надеялся, что донорство поможет сплотить общество, и писал: «Те члены общества, которые жертвуют свою кровь или органы другим, сами (или их семьи) в итоге выиграют от этого как члены общества»⁵.

По Титмуссу, телами и их частями можно лишь обмениваться, как дарами, – своего рода кровавой социализм.

Удивительно, что, несмотря на мощный отпор со стороны лобби рынка крови, к Титмуссу прислушались. В США были приняты законы, поддерживающие добровольную сдачу крови. Любая оплата теперь считалась принуждением и приводила к серьезным штрафам. (Впрочем, нужно отметить, что учитывалась не вся кровь. Исключение делалось для кровавой плазмы, которая легче восполняется в организме и до сих пор остается источником побочного дохода для многих американцев.) Тенденция распространилась и на все остальные рынки торговли частями человеческих тел.

В 1984 году, выступая в Сенате, Альберт Гор произнес знаменитую фразу: «Тело не должно быть простым набором запасных частей», и помог провести национальный закон, запрещающий оплату любых частей человеческого организма. Упомянув идеи Титмусса в зале правительства, Сенат проголосовал в пользу Национального законодательного акта по трансплантации органов и прямо запретил продажу человеческих органов и тканей организма.

Примеру последовали во всем мире. Сейчас, если не брать в расчет некоторые известные исключения, во всех странах незаконно продавать кровь, покупать почку, покупать ребенка для усыновления или заранее продавать свой скелет. Вместо этого учреждены сложные системы добровольной сдачи. Мы сдаем кровь в банки крови, подписываем согласие на предоставление органов для донорства после смерти и завещаем наши тела научным организациям. Все это бесплатно. Теоретически, любой, кто берет деньги за какую-либо часть своего тела, может попасть в тюрьму. Закон недвусмысленно гласит: покупать тела дурно.

К сожалению, законы бессильны против тех, кто все же намерен извлечь выгоду из этого кровавого бизнеса. В системе, которую придумал Титмусс и которую приняли на вооружение во всем мире, оказалось два важных недостатка. Во-первых, хотя отдельный человек не может

⁵ Richard Titmuss, *The Gift Relationship* (London: George Allen & Unwin Ltd., 1970), 215.

непосредственно покупать и продавать тела, врачи, медсестры, водители скорой помощи, юристы и чиновники могут устанавливать рыночную цену на свои услуги. Хотя вы и не платите за сердце, вы оплачиваете его пересадку, так что фактически стоимость сердца просто перенесена на стоимость услуг. Больницы и медицинские организации получают все больше доходов от трансплантации органов, и некоторые даже возвращают их акционерам. В цепочке поставок деньги достаются всем, кроме самого донора. Запрет на покупку человеческих органов позволил больницам получать их фактически бесплатно.

С точки зрения покупателя бизнес по пересадке органов в США напоминает знаменитую бизнес-модель компании Gillette, которая задешево продавала бритвенные станки, но снабжала их дорогими лезвиями. То же происходит и в торговле почками. Купить почку нельзя, но пересадка сертифицированной почки от донора может стоить до полумиллиона долларов.

Как и в любой экономической системе, бесплатное сырье – это лишь повод для поиска новых способов его применения. В США мы обычно не ставим под сомнение тот факт, что спрос на органы для пересадки неизменен и связан с абсолютным количеством чрезвычайных ситуаций – например, случаев почечной недостаточности. Наличие пятилетнего листа ожидания, кажется, должно подтверждать тот факт, что спрос на органы значительно превышает предложение. Но это, возможно, не так.

За сорок лет Объединенная сеть по распределению донорских органов существенно увеличила доступный пул органов трупов, однако все еще не справляется со спросом. Более того, лист ожидания растет. Как только становится доступно больше органов, врачи добавляют в списки на трансплантацию новых пациентов, которым изначально пересадка не была показана. Технологии пересадки и результаты постоянно улучшаются, а хирурги обнаруживают, что донорский материал может помочь все большему числу людей. Лист ожидания пересадки маскирует тот факт, что спрос на органы не фиксирован. Его длина – функция от общего числа доступных органов. Спрос есть функция от предложения. Радует, впрочем, то, что жизни многих людей таким образом удастся продлить. Однако безграничный потенциал для расширения подразумевает, что нужно не только учитывать возможные выгоды от использования донорских органов, но и понимать, что система сбора органов может свестись к принуждению в крупных масштабах.

Проведем аналогию. Судя по всему, спрос на нефтепродукты в мире практически безграничен. Инновации, связанные с использованием энергии углеводородов, привели к беспрецедентному росту экономических, технологических и общественных благ. Благодаря автомобилям уменьшились расстояния, ночью у нас светло, а зимой тепло. Однако это не означает, что дальнейшее бурение и сжигание всех углеводородов на планете – лучшее, что может придумать человечество.

Второй недостаток модели Титмусса состоит в том, что она не учитывает базовых стандартов приватности в медицине. Хотя власти могут отследить по записям конкретного донора, какой-либо общественный контроль невозможен. Никто из тех, кто не имеет отношения к больнице, не сможет определить личность того донора крови, чей вклад спас человеческую жизнь. Кровь отделена от сдавшего ее человека, помечена штрихкодом и перелита в герметично запечатанный пластиковый пакет. Мы покупаем не часть человека, а определенный объем крови. Логика здесь заключается в том, что прямой контакт между донором и реципиентом ставит под угрозу всю систему и может даже разубедить людей в том, что нужно сдавать кровь.

Реципиент чувствует себя обязанным не конкретному донору, а всей системе сбора крови и в особенности врачу, предоставившему эту услугу. Человек, которому пересадили почку – хоть от живого донора, хоть от трупа, – редко знает, чей орган ему достался. Хотя анонимность призвана защищать интересы донора, она часто затемняет цепочку поставок. Реципи-

енты покупают органы, не задумываясь о том, каким способом они были добыты. Эта приватность – последний шаг, превращающий человеческую плоть в обычный товар.

Невозможность установить источник сырья – плохая идея для каждого рынка. Мы никогда не позволили бы нефтяной компании скрывать расположение своих вышек или не разглашать экологическую политику. А когда с буровой вышки миллионы баррелей нефти утекают в океан, мы требуем ответа. Прозрачность лежит в основе безопасности капитализма.

С точки зрения криминальных элементов, нынешняя система сбора органов идеальна для самой безжалостной и неограниченной эксплуатации. Современные законы запрещают платить за органы, и, хотя компании могут инвестировать миллионы в инфраструктуру для трансплантации, как нефтяные гиганты инвестируют в буровые вышки, себестоимость сырья в сфере трансплантации часто близка к нулю. А требования сохранения приватности не позволяют отследить путь, которым тела и органы попали на рынок. Анонимность подразумевает, что покупатели органов могут смело приобретать человеческую плоть, не беспокоясь об источнике ее происхождения. Никто не будет задавать вопросов. Структура донорства снимает все возражения, скрывая цепочку поставок за этическим занавесом. Принципы анонимности и добровольности привели к тому, что посредники, извлекающие основной доход, контролируют всю цепочку, а купить орган не сложнее, чем выписать чек.

Эта книга – отчасти попытка исследования того, что не так с нынешней системой сбора органов и тел. Современные красные рынки – самые крупные, вездесущие и доходные за всю историю. Через сорок лет после выхода книги Титмусса глобализация бесконечно ускорила рост масштаба и сложности этих рынков. Я не собираюсь выдвигать огульных обвинений или, наоборот, требовать коммерциализации. Мы живем внутри красного рынка. Он не исчезнет от того, что мы просто будем отрицать существование экономики человеческой плоти. Человеческие тела и их части, как бы мы к этому ни относились, продаются тайно и явно в самых уважаемых мировых организациях. Единственный вопрос в том, как это происходит.

В целом я не стремился уделить внимание миллионам сделок на красном рынке, которые осуществляются каждый день. Нет сомнений, что без технологий трансплантации, сбора крови и программ усыновления человечеству пришлось бы несладко.

Нет необходимости останавливаться на историях людей, которые живут счастливо благодаря тому, что приобрели что-то на красном рынке. Это история спроса на органы. Значительно важнее понять, как органы попадают на рынок, а не как они используются. Эта книга – исследование экономики красного рынка в части поставок. Без понимания поставок мы никогда не сможем понять, насколько быстро красные рынки могут привести к образованию международных преступных организаций.

Столкновение альтруизма и приватности бьет по тем светлым идеям, которые некогда защищали. Каждый шаг по цепочке поставок красного рынка позволяет превратить людей в мясо. Посредники, которые покупают и продают тела, играют роль мясников. Они видят в живом существе лишь сумму составляющих его органов.

КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

С 2006-го по 2009 год я жил в Ченнаи – бурно растущем прибрежном мегаполисе на юге Индии, в нескольких сотнях километров к северу от Шри-Ланки. До того я уже провел несколько лет в Индии, изучая фольклор и языки по университетским программам в пустынном штате Раджастан и недалеко от Дхарамсалы, где живет в изгнании далай-лама. Я понимал, что хочу остаться еще на несколько лет в Южной Азии, но не до конца был уверен, что хочу стать журналистом. Я только что закончил Висконсинский университет в Мадисоне по курсу антропологии и начал непродолжительную преподавательскую карьеру – учил американских студентов, приехавших на семестр в Индию.

Под моим началом было двенадцать студентов. Из Дели мы поехали в священный город Варанаси и в центр буддистских паломничеств Бодх-Гая. В последнем пункте одна из моих студенток умерла; мне и другому руководителю теперь требовалось вернуть ее тело семье в США. Я три дня провел с ее телом, пытаясь помешать неизбежному процессу разложения. Раньше я никогда не был так близко к мертвому телу, и, когда оно остыло и стало менять цвет, я столкнулся с физической природой смертности.

Ее смерть больше, чем что-либо еще, напомнила мне, что за каждым телом стоят заинтересованные стороны. Когда студентка превратилась из человека в вещь, словно из ниоткуда стали возникать разные люди и предъявлять требования на то, что осталось от ее физической оболочки. Большую часть времени я тратил на переговоры с полицией, страховыми компаниями, похоронным бюро, членами семьи и авиакомпаниями, пытаясь обеспечить доставку тела домой для похорон.

Хотя тогда я этого не сознавал, то было началом моего понимания международного рынка человеческих тел. В каком-то смысле мне пришлось ознакомиться с ним из-за событий, на которые я никак не мог повлиять. Первый раздел этой книги непосредственно связан с той историей. Некоторых читателей он, вероятно, смутит.

После того как студентка умерла, я понял, что не могу больше преподавать. Я стал писать для журналов Wired и Mother Jones, а также работать для телеканалов и радиостанций из моей базы в Ченнаи. Я рассказывал о методах работы торговцев почками, воров скелетов, пиратов крови и похитителей детей по всей Южной Азии. Позднее я совершил поездку по Европе и США, знакомясь с худшими случаями в этом бизнесе. Каждый раз я с изумлением обнаруживал, что большинство людей, покупавших часть человеческого организма, понятия не имели, какая цепочка событий привела к появлению этого органа на рынке.

Идея о красных рынках как об отдельной категории, отличающейся от всех нормальных экономических систем, возникла в ходе расследований торговли костями и кражи почек в Индии, но относится она не только к телам и органам, используемым как своеобразные запчастки. Сочетание ложного альтруизма и приватности имеет серьезные последствия и для похоронной индустрии, и для индустрии усыновления. Как ни странно, когда дело доходит до человеческого тела, цепочки поставок всегда тревожаще похожи одна на другую.

Когда я стал подумывать о том, чтобы изложить все свои исследования в одной книге, то понял, что криминальных красных рынков куда больше, чем я когда-либо надеялся описать. Я исключил из рассмотрения на шумевшие в США судебные процессы о кражах в моргах, когда похоронные бюро продавали вверенные им тела компаниям-поставщикам органов. Оскверненные трупы шли на пересадку тканей и сухожилий. Я проигнорировал скандалы вокруг передвижных музейных выставок, где были представлены пластинированные тела казненных узников. Лишь кратко я упоминаю здесь отчет, согласно которому в Англии было украдено более сотни тысяч гипофизов ради получения гормона роста человека. Я не говорю ничего о недавних серийных убийцах из Боливии, которые продавали жир своих жертв европейским косметическим компаниям, изготавливающим люксовые кремы для лица. И каждый день список пополняется.

С середины 1990-х по 2000 год израильская армия собирала роговицы палестинских боевиков, убитых в сражениях. А в начале XIX века повальная европейская мода на высушенные головы стала причиной племенных войн в Южной Америке. Привести исчерпывающий перечень всех красных рынков мира попросту не в моих силах. Я лишь надеюсь, что эта книга позволит по-новому взглянуть на рынки человеческих тел. Поняв общие характеристики этих рынков, мы сможем найти решение экономических проблем торговли органами. Преступники орудуют в самых темных уголках экономического мира. Но они существуют лишь потому, что мы им это позволяем.

Посредники, которых я встречал, были не особенно щепетильны в вопросах приобретения материалов. Ими движет простая аксиома капитализма: покупай дешевле, продавай дороже. Они стремятся скрыть цепочку поставок от любопытных глаз. Хотя часто посредники полезны для доставки органов и тел новым владельцам, они открывают дорогу криминалу в этот бизнес. Единственный способ избавиться от них – пролить свет на происходящее и выявить всю цепочку поставок от начала до конца. Каждый пакет с кровью нужно отслеживать до первого звена – донора; каждая почка должна нести на себе имя; нужна возможность найти каждую суррогатную мать, а каждое усыновление должно быть открытым.

Каждая глава книги посвящена определенному красному рынку человеческих материалов. В каждой исследуются наиболее характерные, доходные или тревожные сценарии, которые мне удалось обнаружить; вместе они дают возможность взглянуть на красные рынки всего мира с высоты птичьего полета.

В настоящее время возможность отслеживать человеческие материалы по цепочкам поставок теоретически имеется лишь у государственных агентств. Обычно они недостаточно финансируются и часто работают рука об руку с больницами и посредниками, за которыми должны надзирать. Международные же сделки зачастую вообще никак не контролируются. Недостаток контроля хорошо документирован для каждого рынка, который представлен в этой книге. Вместо того чтобы слепо доверять госструктурам управлению процессами, в ходе которых человеческие тела превращаются в коммерческий продукт, лучше было бы, на мой взгляд, открыть все документы для общего доступа.

Радикальный переход к прозрачности приведет к проблемам другого рода: он может, например, сократить предложение на рынке тел. В Великобритании новая инициатива по предоставлению доступа к документам доноров яйцеклеток привела к почти полному прекращению поступлений яйцеклеток для пар, которые не могут зачать ребенка самостоятельно. Сейчас британкам приходится ездить с этой целью в Испанию и на Кипр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.